

Этнокультурные стереотипы как средство моделирования вторичной реальности (интерпретация одного стихотворения)

Н.В.Бардина

Этнокультурные стереотипы восприятия, интерпретации и идеального конструирования реальности создают то, что называют ментальностью, мировидением народа. С этим утверждением в последнее время соглашаются практически все исследователи. Для нас, однако, важно подчеркнуть, что стереотипами при этом должны считаться не только и не

столько устойчивые номинации (фразеологизмы, эпитеты, сравнения), сколько более широкое явление – акцентирование тех или иных онтологических категорий, или “измерений мира”, смысловых зон универсума [7] и пр., охватывающее особенности включаемости субъекта во все сферы символической реальности.

Представляется, что то, каким образом Homo loquens входит в мир, как он оценивает порождаемый им дискурс, адекватность сказанного ситуации и состоянию своего сознания, значимость самого процесса вербализации, – все это может быть использовано как эпистемологическая сетка моделирования национального мировидения. Именно конвенциональная специфика расчленения реальности и общность аксиосистемы стереотипов обеспечивает целостность народа.

В своих предыдущих работах [1-5] мы утверждали, что особенностью дискурсивной позиции словака можно считать сочетание повышенной рефлексивности, социализации речевого эгоцентризма, фокусировки сознания на онтологических категориях “свойство” и “отношение”. Склонность к противоборству социально-личностного, двойственности восприятия мира словаками уже отмечалась ранее в венгерской художественной литературе XIX века (в частности, в произведениях Кальмана Миксата) и в довольно редких исследованиях словацкой ментальности культурологической направленности. Глубокое самоуважение, индивидуализм в сочетании с внешней покорностью, раболепием, завистью и лицемерием постоянное противопоставление «своего» и «чужого» объяснялось тысячелетним мадьярским гнетом, стремлением сохранить свою национальную идентичность в самом центре Европы [11; 13; 14; 17].

Антон Юровский впервые отметил ту черту, которую сам определил как остроумие, но с наших позиций ее скорее можно назвать *гипертрофированной способностью диалектического восприятия мира*: любую вещь словак склонен рассматривать с разных сторон ее существования и проявления, искать во всем скрытый смысл, так что это нередко граничит с фальшью и лукавством (*prefikanost'ou*) [13:362].

Диалектичность как доминанта национального мировидения, этнокультурный стереотип обнаруживается прежде всего в языковом существовании словаков: если признать, что сознание может простирается на всех уровнях некоей, воображаемой нами шкалы, то на самом высоком уровне оно проявляется через тексты, генерируя и интерпретируя их [10:52].

Проведенные нами пассивные наблюдения и психолингвистические эксперименты над речевой деятельностью словаков показали, что четкая противопоставленность “своего”, личного, и “несвоего”, социального, отмеченная еще А.Вайсс-Нагелем [17], проявляется в четкой стереотипизации разнообразных “сценариев” коммуникации, социализированном оформлении любого ситуативно закрепленного дискурса. Однако жесткая нормативность стереотипов обращения (напр.: *Vážený pán docent Čabala, pani vedúca, pán primár* и т.п.) свидетельствуют, как нам представляется, не о чинопочитании, обыкновенно упоминаемом этнопсихологами, а о бессознательном учете значимости социального статуса при выполнении правил “языковых игр”, которые никак не затрагивают сути личностных отношений, а более того – служат условием и гарантией их существования.

Человек, как известно, представляет собой сложную (био)социокогнитивную систему. В рамках языкового существования на первый план обыкновенно выступает то одна, то другая сторона этой системы. Тип связи между ними, их слабая дифференцированность или наоборот, противопоставленность – содержательная характеристика этнокультурного мировидения. Словак при обращенности речевого сознания на ритуальную включенность в социум, как правило, ориентируется на маловарьировуемые и малосодержательные, в сущности, схемы дискурса, при этом глубинные пласты лингвоментального состояния говорящего практически не объективируются. Если же фокусом сознания становится сам субъект или нестандартные ситуации, требующие идеального конструирования, психолингвальная структура речевого потока разительно меняется: детерминизм уступает место скользкой относительности. Ни один акт референции, номинации не является безоговорочным, безапелляцион-

ным. Он как бы растворен в различных ссылках на чьи-то слова, собственное - вполне возможно, что несовершенное - мнение и пр. Отсюда в словацких спонтанных монологах так много различных *vraj, ako keby, mislim si*, так часто говорящий пытается тут же пояснить, почему он говорит именно так. Органичное построение словацкого дискурса, транспонированное в русскую ментальную среду воспринимается как неестественное, даже болезненное, зыбкое и “зацикливающееся”, о чем свидетельствует аудиторский опрос [1]. Вместе с тем акцентированная, объективируемая в речи рефлексивность и выступает, на наш взгляд, той единящей силой, которая не дает распасться душе словака на “свое” и “не-свое”, субъективно переживаемое и ритуальное, а само существование этих двух полюсов словацкого мировидения, в свою очередь, смягчает напряженность рефлексии и накладывает ограничение на релятивность вербальной классификации мира.

Четкая противопоставленность триады “Я - видимость (релятивное мнение) - обычай” в духовном мире современного словака настолько очевидна при погружении в словацкую среду представителя иного этноса, что это не может не найти отражения в художественных текстах, где иногда эта трихотомичность принимает гротескные формы. Как заметил еще 100 лет назад Е. Белявский, в своей рафинированной форме тип ментальности народа отражается обычно в творчестве художника, у которого этот тип выступает как вторичный, доминирующий над исходным чужеродным [6].

Чрезвычайно информативным в этом плане можно считать стихотворение «...teta Júlia...», написанное «словаком чешского происхождения» Милошем Яноушкой [12].

Центральный образ лирической новеллы – теть Юлия, истинная «прешпорачка» (от старого названия Братиславы – Prešporok), сохранившая в себе специфический дух национально-культурной пестроты словацкой столицы. Событийная канва довольно проста: в выходной день принарядившаяся теть Юля выходит «на охоту», встретив достойного своего внимания *starého*, проводит с ним время в кафе и под свист уличных мальчишек возвращается домой.

Вместе с тем микро модель мира, в которую поэт помещает свою героиню, удивительно диалектична по всем параметрам: временным, пространственным, этническим, социальным, личностным, когнитивным.

Прежде всего относительны и динамически цикличны возраст тети Юлии и определяемый оценкой окружающих и стойко связываемый с внешними атрибутами (накинутым на плечи платком и наложенной косметикой) внешний вид.

В первой строфе сообщается, что пудра, которую *teta Júlia* накладывает на щеки, делает ее о 20 rokov mladšou, хотя абсолютный возраст еще не называется. Здесь для адекватной интерпретации текста подчеркнем, что формы компаратива вообще в четыре раза чаще встречаются в словацких художественных текстах и реальном речевом поведении, чем у русских. При этом если в градуировании качеств в системе русской лингвоментальности акцентируется момент *отношения и/или выбора*, то у словаков на первое место выступает категория *свойства* и суперкатегория Я. Именно этим объясняется значительная распространенность в словацком дискурсе безобъектных компаративов: *cvičenia pre staršie ženy, to bola taká svetlejšia farba, čakal som dlhší čas* и т.п. [4].

Таким образом оценка тети Юлии как «на 20 лет моложе» может иметь двойной смысл: это и безобъектное сравнение, субъективное отнесение героини к группе женщин, которых определяют как *mladšie*, и намек на ее реальный «старший» возраст.

Акцентуация категории «отношение» в данном случае усиливается универбализацией каузирующей конструкции:

[...] púder

tenčojurobí [...] (= пудра тачтоеёделает [...]).

Сразу же заметим, что такого рода искусственные когнитивные конденсаты можно свя-

зать с этнической (словацко-немецкой) неоднозначностью поэтического микромира, однако если учесть экспериментально установленную потребность говорящего клишировать языковые стереотипы, которые выходят на периферию языкового сознания, выполняя чисто служебную роль, утрачивая связь с личностным актуальным сознанием [3:218], можно предположить, что универбы – это своего рода смена ракурса видения автора, темпа и детализации мировосприятия.

Подобный универб находим и во второй строфе, где возраст тети Юлии указан уже точно – 57 лет, хотя эта бескомпромиссная своей неокругленностью цифра тут же обволакивается и приглушается уступительностью синтаксической конструкции, вводящей оценочный компенсатор *kočka* (разг. ‘красивая девушка’):

[...] ale ved'
na jej 57 rokov je
bohuotcuprisahám
ešte kočka [...].

Новый универб (= ‘богуотцуклянусь’), с одной стороны, неожиданно (вспомним, что, согласно Умберто Эко, эстетическое переживание всегда неожиданно) вводит личностный параметр оценки, но при этом одновременно самой своей клишированностью свидетельствует о ее «неличности», этикетной неискренности.

В следующих строках показатель возраста на градуированной шкале времени еще больше приближается к нулю, хотя формально подчеркивается, что рассказчик просто повторяет уже раз сказанное:

aj s tou jej pamírovou šatkou
a červeňou čojurobí
tých horespomenutých
30 rokov menšou [...].

Тетя Юлия теперь не просто моложе – она *меньше*, так как упомянутые выше 20 лет превращаются в *horespomenuté 30 rokov*. Внешняя причина этой видимости – пудра – также экспансивно трансформируется в *červeň*, что можно толковать и как румяна и как помаду.

После встречи с подобным ей молодым стариком-красавцем тетя Юлия уже «о 40 rokov *minimálnejšia*», но это не спонтанная случайность: оказывается, что меняющийся, но неизменный платок, помада-пудра-румяна **всегда именно так** делают свое дело (в этой строфе впервые универб-каузатор распадается на отдельные слова *tej čo ju robí*, а возникший компонент отношения выделяется увеличенным пробелом), – «файновый» вид тети Юлии подчеркивает уже не только сам рассказчик, об этом *hovorí každý*. Личностное мнение внезапно становится универсальным, но следующая комментирующая фраза дает понять, что «вселенский охват» существует в масштабах «нашей улицы». Наша улица, где люди *vuznajú sa* (= разбираются), – это и есть весь мир, мнение которого определяет суть вещей.

Но что же дальше? Исчезнет ли тетя Юлия, превратившись в младенца, как в сказке? Ведь она уже была *моложе, меньше, минимальнее*. Тетя Юлия входит в КАФЕ – и время останавливается, мир переворачивается: вместо неуловимого, но тождественного в общественном мнении внешнего образа перед читателем выстраивается социализированный полилог – клишированные фразы заказа, обрывки возгласов тети Юлии, которая уже не *teta*, а *tante*, «суперантиконтрамультиэкстрауникальные» улыбки. Эмоциональное возбуждение достигает кульминации и – тетя Юлия размазывает по лицу помаду-пудру-румяна, чем моментально прибавляет себе те «40 *minusových rokov*». Возвращение домой соединяет и противопоставляет три когнитивные системы, которые изначально формировали облик героини: эксплицитная, высказываемая, демонстрируемая оценка – *мнение* (*celá ulica mala oči navrch hlavy ríhlapí pískali*), внутреннее *самоощущение*, сопоставляемое с ее социализированной *самооценкой*, и коллективное *знание* о возможности полной внутренней освобожденности личности:

ale každý vedel

čo je vo veci
 keď teta Júlia má cez plecía tú
 homérovu šatku tak že má určite
 ako ona tomu hovorí
 fraj

Противопоставленность личностного, социально-многомерного и стандартизованного выражается всеми семиотически значимыми уровнями эстетически ориентированного дискурса: знаки препинания заменены увеличенными пробелами, городской сленг перемежается с газетными штампами, немецкая речь не просто чередуется со словацкой, а органически сплавляется с ней (напр.,: teta Júlia urobila ajn gros cukrblik).

Однако моделируемый мир не хаотичен: релятивная неопределенность восприятия тети Юлии повествователем, зыбкая многоликость, текучая изменчивость персонажей, многоязыкость и стилистическая пестрота держится на константах социальных стереотипов.

В стихотворение (вернее, как уже было сказано, – лирическую новеллу) введены два прецедентных текста – как будто на импрессионистскую картину наклеены две вырезки: брачное газетное объявление и страничка из блокнота официанта (сопровожаемая обрывками киносценария – эпизод «Посещение кафе в старой Братиславе»).

В первом случае эстетическая неожиданность создается сменой разговорно-сниженного описания портрета «старика-молодца» (muž v baloňáku) стандартизованными сокращениями, принятыми в объявлениях такого рода («63/176 zach. rozv. nef. abst. bez záv.»), во втором – переход в иную – игровую – модель мира подчеркивается не только торговым значком «а», схематической записью заказа –

1 krémeš
 2x turka s rumom
 1 ameriku [...] –

не только фактурным изменением (колонка стиха смещается в правую половину страницы), но и синтактико-графическим выделением авторских ремарок. Рассказчик уже не выразитель *мнения*, он сторонний наблюдатель. Перед нами не многомерная жизнь улицы, а социальная игра, которая ведется по строгим правилам.

На значимость именно газет и кафе как культурных констант центральноевропейского города, где система когнитивных схем личности и социума определялась стратегией *приспосабливаемости и выживания*, – указывали носители и словацкой, и чешской ментальности [15; 16]. Газеты, формирующие знание (заметим, что в годы юности тети Юлии они были преимущественно мадяро- или немецкоязычными), и кафе, в которых обычно эти газеты читались, – кафе, где обыкновенный человек мог ощутить себя значительной, принадлежащей к избранному обществу личностью, – именно эти два явления официальной культуры и сформировали тот стандартизованный противовес, который позволяет существовать мерцающему двойственному мнению «улицы» и ведущей к одиночеству свободы (слово *fraj* здесь приобретает особое значение) личности.

Если согласиться с тем, что сущность современного европейского типа личности – в способности рефлексивного единения множества ролевых “масок” субъекта [9:141-145], то словацкое мировидение в стихотворении Яноушека представляется типично европейским.

Таким образом маленькое лирическое произведение в своей подвижной микромодели пространственно-временного фрагмента жизни братиславского квартала оказывается способным отразить тенденции этнокультурного аффектирования словацкого народа, характеризующие его стереотипы идеального конструирования мира.

1. Бардина Н.В. Процесс порождения спонтанного монолога на русском языке в сопоставлении со словацким // Universitas Comeniana. Philologica XLII. - Univerzita Komenskeho.-Bratislava, 1995.

2. Бардина Н.В. К построению формулы лингвоментальности // Слов'янський збірник.-Одеса, 1996.- Вип. 1.

3. Бардина Н.В. Языковая гармонизация сознания. - Одесса, 1997.
4. Бардина Н.В. Когнитивная конденсация как принцип этнолингвального варьирования // Слов'янський збірник.-Одесса, 1998.-Вип. III.
5. Бардина Н.В. Проблема диалектичности словацкого мировидения и релятивизм словацкого дискурса // Матеріали міжнародної славістичної конференції пам'яті професора Костянтина Трофимовича.-Львів, 1998. – Т.1.
6. Белявский Е. Русские писатели по их происхождению и воспитанию. – СПб, 1909.
7. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. - М., 1996.
8. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.- М., 1966. - Т.6.
9. Кон И.С. Открытие “Я”. - М., 1978.
10. Налимов В.В. На грани третьего тысячелетия. - М., 1994.
11. Chalupný E. Národní povaha československá. - Praha, 1932.
12. Janoušek M. “Teta Júlia si prehodila” // Slovenský pohľad na literatúru a umenie. - 1990. -№ 5.
13. Jurovský A. Slovenská národná povaha // Slovenská vlastiveda. Zv.II. - Bratislava, 1943.
14. Kompánek A. Slovák, jeho povaha, vlastnosti a schopnosti // Časová kniha o Slovensku. - Praha, 1921.
15. Musil J. Kultúry miest // Slovenské pohľady na literatúru a umenie. – 1990. – №5.
16. Salner Peter. Kaviarne a vechy v medzivojnovnej Bratislave // Slovenské pohľady na literatúru a umenie. – 1990. –№5.
17. Weiss-Nägel A. Národné povedomie a charakter// Filozofický zb. - Roč. 1 (40). - Č. 1.